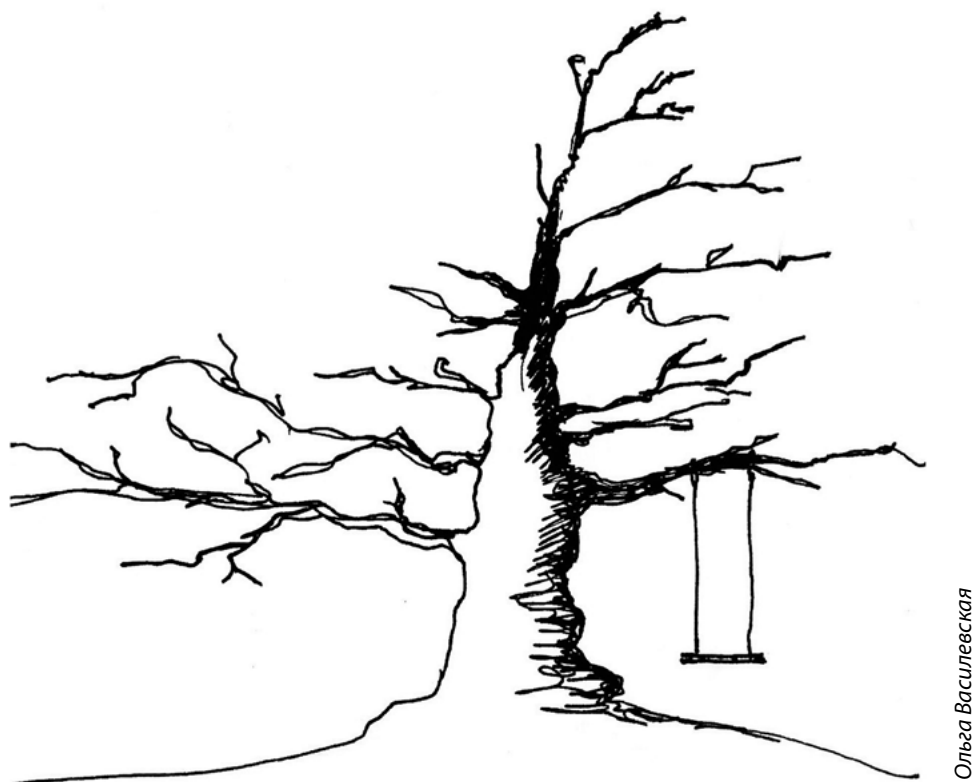

Ольга Василевская

Геннадий Муриков

Религия дионисийства¹
(заметки о творчестве Вячеслава Иванова)

Геннадий Муриков. Литературный критик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1958 году в г. Пудож Карельской АССР. Окончил филологический факультет ЛГУ. Работал учителем русского языка и литературы, редактором отдела критики журнала «Звезда», в редакции журнала «Литературная панорама», главным редактором газеты «Литературный вестник». Его литературоведческие и критические работы (их свыше трехсот) на протяжении последних сорока лет вызывают острую полемику. Не обошел вниманием ни одного значимого писателя. В годы перестройки первым публиковал материалы о личностях, долго находившихся под запретом (генерал Власов, Зиновьев, Бухарин, Замятин). Автор нескольких изданных книг. Лауреат премии журнала «Литературная учеба» (2010). Член редколлегии журнала «На русских просторах», колумнист журнала «Невский альманах».

Народная душа, защищаемая Вячеславом Ивановым,
есть ответственный перед Богом за судьбы своего народа
ангел, подобный ангелам церковей в Откровении Иоанна.

Ф. Степун

Личность и творчество Вячеслава Ивановича Иванова, его вклад в русскую и отдельно — петербургскую (поскольку с Петербургом связан значимый период жизни и творчества поэта и философа, с 1905 по 1912 год) культуру до настоящего времени очень мало исследованы. Такие его современники, как Д. С. и З. Н. Мережковские, Н. А. Бердяев, не говоря уж об А. Блоке и А. Белом, сегодня стали объектами пристального внимания не только литературоведов, но и всех тех, кто интересуется историей русской литературы. Но иначе обстоит и обстояло дело с изучением творчества В. И. Иванова.

¹ В данной публикации приведены фрагменты оригинальной статьи Г. Г. Мурикова.

Настоящий интерес к его фигуре возник только в 1980-е годы. Это может показаться странным. В 60-х и 70-х годах еще были живы крупнейшие мастера русского зарубежья: Г. Адамович, Б. Зайцев, И. Одоевцева, Н. Берберова... Но они ничего не сказали о В. Иванове.

Почти удивительно, — тем более, если мы вспомним знаменитую «Башню», где в 1905-1907 годах собирался весь цвет русской интеллигенции, где родились и «Русские сезоны» П. Дягилева, и кое-что из марксистско-ленинских начинаний (посетителями вечеров на «Башне» были А. В. Луначарский, М. Горький, Г. В. Чичерин...).

А ведь эти встречи организовал именно В. И. Иванов! Душой же этих собраний была его жена Л. Д. Зиновьева-Аннибал. Сейчас, после информационной революции, когда нам открывается многое, что раньше было не просто спрятано за семью печатями, но вообще неизвестно, либо не вызывало серьезного общественного интереса, В. И. оказался в тени. Видимо, по двум причинам: во-первых, потому что он никогда не поддерживал советскую власть и не находился в числе тех русских эмигрантов, которые в конце 20-х — 30-х годов вернулись в СССР (главным образом — «евразийцы»), и, во-вторых, никогда открыто не выступал против советской власти, хотя всегда отзывался о ней отрицательно и иронически — но не печатно и не публично. Даже советский паспорт регулярно продлевал до 1936 года (когда после предоставления ему итальянского гражданства он смог получить должность в библиотеке Ватикана).

Тут есть о чем задуматься. Прежде всего, о том, что первая русская эмиграция резко распалась на два лагеря: тех, кто встал на позиции резкого неприятия большевистского режима, — эти люди группировались вокруг общества «Зеленая лампа», которое образовали Д. С. и З. Н. Мережковские, И. Бунин, Б. Зайцев, Тэффи, Г. Иванов и другие; и противоположный лагерь — уже упомянутые евразийцы Н. Устрялов, Н. Трубецкой, П. Савицкий, Д. Святополк-Мирский и др. Некоторые из последних вернулись в Советский Союз, где и были расстреляны в 30-х годах.

Но В. И. выбрал тот путь, который казался ему самому наиболее правильным: путь пассивного сопротивления. Это связано с тем, что он никогда не был активным «политиком». Для В. И. такой путь был неприемлем. В одном из своих стихотворений он самокритично признался: «Да, сей костер мы поджигали...». Раз поджигали, он и загорелся. Так же, как изменилась и общественная ситуация, резко разошлись и пути символистов. Блок и Белый были убеждены, что большевистская революция — это новое явление Христа; Брюсов вступил в ряды РКП(б), а о том, что думали по этому поводу Мережковские, мы уже говорили.

Судьба В. И. сложилась по ряду причин по-другому. Мережковский — сын высокопоставленного чиновника министерства Двора, Бердяев — из

старинного дворянского рода, его дед был генералом, а отец офицером-кавалергардом, потом киевским уездным предводителем дворянства, позже — председателем правления киевского земельного банка. Сам же В. И. — сын небогатого землемера, который к тому же и умер, когда его ребенку было около пяти лет. А его мать, урожденная поповна, в девичестве Преображенская, родила своего сына, т. е. В. И., на пятом десятке лет. Всю жизнь В. И. сохранял особую любовь к своей матери.

Воспитывала она его в строго религиозно-православном духе.

«Мне было семь лет, когда мать велела мне читать по утрам акафисты; ежедневно прочитывали мы вместе по главе из Евангелия. Толковать евангельские слова мать считала безвкусным. (...) Детскими книгами она учила меня пренебрегать... В промежутке между нашими занятиями (...) мать играла нам Бетховена, сестра-консерваторка (сводная сестра по отцу — Г. М.) также исполняла на рояле какую-нибудь классическую вещь или пела песни Шуберта и Шумана».

Вот почему впоследствии В. И. мог сказать:

«...Пришел некий великий грешник на исповедь. Исповедующий обращается к нему с вопросами: «Ты убивал?» — «Грешен». — «Прелюбодействовал?» — «Грешен». «Разбойничал?» — «Грешен». — «Воровал?» — «Грешен», — и т. д. Наконец, спрашивает он: «Еретик?» — «Боже упаси». Вот таков и я. Во всем грешен, но не еретик, ибо в религии и во всем, к чему человек относится религиозно, есть православие и есть ересь, есть правый вкус и есть вкус еретика...» (Альтман М. С. «Разговоры с Вячеславом Ивановым», СПб, 2001, с. 38). Так обозначил свою позицию В. И. в 1921 году.

«Еретиком» не был, то есть не был создателем или адептом еретического вероучения, но еретичествовал всю жизнь. Его собственные признания можно принять к сведению, но относиться к ним серьезно вряд ли стоит. В начале своей деятельности В. И. был ученым педантом, специалистом по греческому и латинскому языкам, в середине — оккультистом-эзотериком, а в конце — правоверным католиком. Теперешние ревнители православия вряд ли одобряют тот факт, что сам В. И., а через некоторое время и его дети — Лидия и Дмитрий — перешли в католическую веру.

Был ли он «еретиком»? Сам он сказал в момент обращения в католичество, что именно при обращении в эту веру понял по-настоящему все величие христианского вероучения, в чем он не раскался до конца жизни. Об этом ясно пишет его дочь Л. В. Иванова в своей «Книге об отце», где она рассказывает, кстати, и о своем обращении в католичество (так же, как и об обращении своего брата Дмитрия). На первый взгляд может показаться, что, рассуждая о В. И., мы должны говорить о новообращенном католике. Но рискну предположить, хотя во всей известной литературе о В. И., так же, как и в его творчестве, это вроде бы не подтверждается, что он

сам никогда никаким «католиком» не был, так же, как и «православным». В литературе советского периода иногда даже мелькали утверждения, что В. И. будто бы был видным епархом Римско-католической церкви. Советский журналист М. Чарный в своих воспоминаниях писал: *«время от времени о нем доходили вести в Москву, и старые литераторы считали, что он живет в Риме, и в своем мистическом рвении дошел до того, что даже, как говорят, стал кардиналом»*. Так думал даже его бывший сподвижник, а позже известный советский поэт и либреттист Сергей Городецкий.

Правда, известно, что он встречался с тогдашним папой Пием XII, но речи о том, чтобы В. И. было присвоено звание кардинала, разумеется, не возникало.

Хотя... В биографии В. И. существует столько пробелов и многоточий, тайных зигзагов и неожиданных решений, что на текущий момент мы во многих аспектах вряд ли о нем можем сказать что-то до конца известное и окончательно определенное.

По-настоящему серьезный разговор о творчестве В. Иванова может и должен происходить только при одном условии: если мы будем рассматривать его деятельность как эффект самостоятельной религиозной мысли, которая и к православию, и к католицизму имеет только косвенное отношение. Эту его веру можно назвать дионисийством.

Здесь настало время уточнить некоторые детали биографии В. И. Как отмечалось выше, его мать вышла замуж за небогатого землемера; она, убежденная славянофилка, назвала сына Вячеславом в пику тогдашней моде на европеизированные имена. Раньше было принято считать, что В. Иванов, благодаря своим выдающимся дарованиям (а кто их осмелится отрицать), из Московского университета был направлен в Германию для продолжения образования у всемирно известного тогда историка-латиниста Т. Моммзена. И будто бы ему тогда сам Моммзен предлагал кафедру античной филологии в одном из немецких университетов. Но постепенно выясняется, что это было не совсем так. Ни одной работы под руководством Т. Моммзена В. И. не написал, хотя, несомненно, был знаком с ним лично. Он шел по проторенной дорожке средней руки доцента, может быть, в будущем профессора по классической филологии. Латинский, а особенно — греческий языки он знал в совершенстве: мог не только писать на них, но и говорить. В этом из русских писателей Серебряного века с ним мог поспорить только Валерий Брюсов, хотя греческий он знал слабее.

Но коренной переворот в жизни В. И. произошел несколько позже. Для этого были два примерно равнозначных основания: знакомство с творчеством Ницше (на интеллектуально-философском плане) и знакомство с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал.

Еще в гимназические годы он познакомился с сестрой своего товарища А. Н. Дмитриевского, на которой вскоре женился и имел от нее ребенка. Но этот брак не был прочным. Летом 1893 года во время многочисленных путешествий по разным странам Европы, в том числе по Италии, В. И. встречает Л. Д. Зиновьеву-Аннибал, и через полтора года, добившись развода с первой женой, вступает с ней в длительную связь, закончившуюся бракосочетанием в 1899 году.

Об особенностях этого сложного периода В. И. в автобиографии писал так:

«Властителем моих дум все полнее и могущественнее становился Ницше. Это ницшеанство помогло мне — жестоко и ответственно, но, по совести правильно — решить представший мне в 1895 г. выбор между глубокою и нежною привязанностью, в которую обратилось мое влюбленное чувство к жене, и новою всецело захватившей меня любовью, которой суждено было с тех пор в течение всей моей жизни только расти и духовно углубляться, но которая в те первые дни казалась как мне самому, так и той, которую я полюбил, лишь преступною, темною, демоническою страстью. Я прямо сказал обо всем жене, и между нами был решен развод.

Прежде чем были устранены многие препятствия, стоявшие на пути к нашему браку, я и Л. Д. Зиновьева-Аннибал должны были несколько лет скрывать свою связь и скитаться по Италии, Швейцарии и Франции. (...) Встреча с нею была подобна могучей весенней дионисийской грозе, после которой все во мне обновилось, расцвело и зазеленело. И не только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и в ней: всю нашу совместную жизнь, полную глубоких внутренних событий, можно без преувеличения назвать для нас обоих порою почти непрерывного вдохновения и напряженного духовного горения».

Для правильного понимания значения этого брака нужно еще сказать, что Л. Д. тоже прежде была замужем за К. С. Шварсалоном, от которого у нее было трое детей. До сих пор остается совершенно неизвестно, как В. И. и Л. Д. удалось в относительно короткие сроки добиться православного развода, что, скажем, для В. В. Розанова оказалось мучительной и неразрешимой проблемой всей жизни. Мы можем только предположить, что не обошлось без вмешательства брата Л. Д. — А. Д. Зиновьева, который был губернатором Санкт-Петербургской губернии (ныне Ленинградская область — Г. М.), которая и тогда, как и теперь, составляла отдельную административную единицу и не входила в состав петербургского генерал-губернаторства. Тем не менее, В. И. и Л. Д. вынуждены были обвенчаться не в России, а в итальянском городе Ливорно, хотя и по православному обряду, но с элементами излюбленного В. И. дионисийства. Судя по всему,

этот брак с точки зрения официального российского православия был не вполне законным, но «молодожены» от этого не страдали. Все покрывали обширные связи супруги. Этот брак сразу решил и все материальные проблемы молодой семьи, поскольку она обладала большим личным состоянием и — через родственников — влиянием в тогдашних административных кругах, тем более что была прямым потомком знаменитого Абрама Петровича Ганнибала — «арапа Петра Великого».

Л. Д. была человеком высокообразованным и энергичным, автором трех книг, вышедших при ее жизни: драмы «Кольца» (1904), сборника рассказов «Трагический зверинец» (1907), романа «Тридцать три урода» (1907), и посмертного сборника рассказов «Нет», опубликованного в 1918 году.

О необычной внешности и манерах Л. Д. свидетельствует наблюдательная М. В. Сабашникова (жена М. Волошина — Г. М.), оставившая ее словесный портрет:

«Странно-розовый отлив белокурых волос, яркие белки серых глаз на фоне смуглой кожи. Лицом она походила на "Сивиллу" Микеланджело: львиная посадка головы, стройная сильная шея, решимость взгляда; маленькие уши парадоксально увеличивали впечатление этого львиного облика: "Такая любого Диониса швырнет себе под ноги"».

Под «Дионисом» здесь, судя по всему, подразумевается В. И.

Уже с 1900 года скитания семьи прекратились: «был нанят дом в Женеве. Там родители поселили семью, вдали от смутного времени на родине. Это к тому же освобождало их для литературной деятельности. (...) К семье приезжали на более или менее краткие побывки. Каждый приезд ощущался как большой праздник, все преобразовывалось и оживлялось. (...) Наша маленькая вилла в Женеве Villa Java была милая, в два этажа, а сверху еще третий, где были чердак и мансарды. Вокруг — очень большой сад», — так писала позднее их дочь Лидия Вячеславовна Иванова («Книга об отце»).

В первые годы XX века супруги бывали на родине только наездами. Однако их обострившийся интерес к вопросам русской и мировой культуры, к появившемуся тогда движению символистов настоятельно требовал возвращения в Россию, чтобы принять активное участие в русской литературной и общественной жизни. Процесс этот был непростым. И В. И., и Л. Д. чувствовали свою внутреннюю духовную силу, но долгое время пребывания за границей не давало им возможности завязать прочные литературно-общественные связи. Поворотным пунктом в их общественном признании стало чтение В. И. курса лекций о дионисийстве в парижской Высшей школе общественных наук, организованной одним из крупнейших русских масонов М. М. Ковалевским в 1903 году. «Инициатором это-

го приглашения был покойный И. И. Щукин; с покойным М. М. Ковалевским связала меня с тех пор глубокая приязнь. Там я познакомился с пришедшим на мою лекцию Валерием Брюсовым, уже рецензировавшим мою книгу стихов. Мережковский писал мне, прося дать лекции о Дионисе в "Новый путь", — писал В. И. в «Автобиографических заметках». После этого имя В. И. получило известность в литературно-общественной среде России.

В одном из писем того времени Л. Д. признается: «Сотрудничество в "Новом пути" для нас великое счастье, ибо даст нам возможность высказывать себя, свое мирозерцание, но не одиноко, а как бы *in Reih' und Glied*»¹. Словом, говорить нечего: это счастье, и я боюсь ему верить». (22 февраля 1903 года)².

Но за подлинное признание приходилось еще бороться. В другом письме Л. Д. пишет: «Какое счастье, если Мережковский искренний человек! Глубокое было бы счастье найти братьев по Порыву и идти вместе». Или вот: «Мережковский писал чудесное, горячее, русское по сердечности и детской простоте письмо и упомянул, что 20-го вышла книга и в ней критика Брюсова! Он писал, что стихи Вячеслава, как и вся его личность, родная ему». (26 марта / 8 апреля 1903 года).

Но на самом-то деле сначала и Мережковские, и В. В. Розанов приняли посланца В. И. и Л. Д., М. М. Замятнину, довольно холодно. Последняя так описывает свой визит к В. В. Розанову: «Долго не решалась позвонить, наконец нажала на особенно как-то выдающуюся пуговку звонка, да еще с надписью "нажать". Горничная открывает и говорит: "Спит, мол, нельзя видеть". Я спрашиваю, когда же можно видеть, и пока рассуждаю с горничной в передней, выходит жена (В. Д. Розанова — Г. М.), очень симпатичная, мягкая и тихая, и говорит, что если я извиню ее мужа за то, что он в халате меня примет, т. к. он в это время всегда занимается, то можно, и затем, обращаясь в сторону кабинета Розанова, говорит: "Вася, тебя видеть хотят и извиняют, что ты в халате", и просит войти тотчас же. Меня, извиняясь, встречает худенький, скорее небольшого роста человек в халате, нервный и тоже тихий. Я, конечно, тоже извиняюсь усиленно и говорю о цели (так!) моего прихода; сначала заявляет, что это совершенно невозможно, но затем, после нескольких вопросов, выясняющих, что я такое, делается доброжелательным и говорит, что для того, чтобы попасть (на одно из религиозно-философских собраний — Г. М.), (...) надо, чтобы я съездила за согласием к Мережковскому и Тернавцеву».

¹ В едином строю, плечом к плечу (нем.).

² Все письма цитируются по изданию: Н.А. Богомолов «Вячеслав Иванов в 1903-1907 годах: Документальные хроники», М.: 2009.

А по поводу З. Гиппиус та же корреспондентка отзывается так: «...нет, ее я еще переварить не могу — не может же быть, чтобы она только казалась такой кривлякой. Она ничего не говорила, но кривлялась весь вечер несказанно и держала себя некультурно. Она красива и, верно, умна, но что за душа у нее? Это вопрос». (Из писем 18/5 февраля и 7/20 февраля 1903 года).

Все радикально изменилось, когда супруги Ивановы окончательно вернулись в Россию, и в 1905 году сняли в Петербурге обширную квартиру на 6-ом этаже дома 25 по Таврической улице. Верхний 7-й этаж был построен в виде купола, из-за чего весь дом получил название «Башни». Однако в понятие «башни» вкладывался более глубокий смысл: сравнение с Вавилонской башней, которая должна выражать и устремления к божественным истинам, и попытку своеобразного богостроительства.

Незадолго перед этим парижские лекции В. И. публикуются в нескольких номерах журналов «Новый путь» и «Вопросы жизни» под названием «Эллинская религия страдающего бога». Наряду с печатавшимися там же протоколами проходивших в этот период религиозно-философских собраний это крупное теоретическое произведение В. И. стало одной из фундаментальных работ, лежащих в основе русского религиозного возрождения начала XX века.

Во время начавшейся первой русской революции Мережковские уехали в Париж, а В. И. и Л. Д., напротив, вернулись на родину, где с осени 1905 года и начались постоянные собрания в «Башне». Они проходили по средам, и поэтому получили название «Ивановские среды». В отличие от заседаний религиозно-философских собраний и заседаний РФО, ивановские среды имели характер журфиксов.

Поначалу это были «скромные собрания друзей и близких знакомых из литературного мира» (Н. Бердяев «Ивановские среды»). Но В. И. и Л. Д. сумели «создать вокруг себя особенную атмосферу и привлечь людей самых различных душевных складов и направлений. Это была атмосфера особенной интимности, сгущенная, но совершенно лишенная духа сектантства и исключительности. Поистине В. И. Иванов и Л. Д. Зиновьева-Аннибал обладали даром общения с людьми, даром притяжения людей и их взаимного соединения. Много талантливой энергии тратили они на людей, много внимания уделяли каждому человеку, интересовались каждым в отдельности и интересовывали каждого собой, вводили их в свою атмосферу, в круг своих исканий. (...) Всегда было желание у В. Иванова превратить общение людей в Платоновский симпозиум, всегда призывал он Эрос. "Соборность" — излюбленный его лозунг. Все эти свойства очень благоприятны для образования центра, духовной лаборатории, в

которой сталкивались и формировались разные идейные и литературные течения. И скоро журфиксы по средам превратились в известные всему Петрограду, и даже не одному Петрограду, "Ивановские среды", о которых слагались целые легенды». (Н. Бердяев, там же).

Пожалуй, следует сказать, что именно в первые годы XX века в России формируется особый слой людей — представителей творческой интеллигенции, — которые принципиально отказываются и от идейной ангажированности, и от «тараканьих бегов» за житейским успехом, а посвящают все свое время размышлениям о самых насущных, по их мнению, вопросах: о жизни и смерти, о религии и вере вообще, о смысле творчества... Они постоянно переходят с одних собраний, посвященных этим темам, на другие, встречаются то у В. И. на средах, то в доме Мурузи у Мережковских, то «на воскресеньях» у В. Розанова. Именно благодаря этим людям и создавалась блистательная культура русского Возрождения, которое теперь принято называть серебряным веком.

Н. Бердяев в своих воспоминаниях пишет: «*Душой, Психеей "Ивановских сред" была Л. Д. Зиновьева-Аннибал. Она не очень много говорила, не давала идейных решений, но создавала атмосферу даровитой женственности, в которой протекало все наше общение, все наши разговоры. Л. Д. Зиновьева-Аннибал была совсем иной натурой, чем Вяч. Иванов, более дионисической, бурной, порывистой, революционной по темпераменту, стихийной, вечно толкающей вперед и ввысь. Такая женская стихия в соединении с утонченным академизмом Вяч. Иванова, слишком много принимающего и совмещающего в себе, с трудом уловимого в своей единственной и последней вере, образовывала талантливую, поэтически претворенную атмосферу общения, никого и ничего из себя не извергавшую и не отталкивавшую. Три года продолжались эти "среды", отвечавшие назревшей культурной потребности, все расширялись и претерпевали разные изменения. Я, кажется, не пропустил ни одной "среды" и был несменяемым председателем на всех происходивших беседах. (...)*

Мистический анархизм, мистический реализм, символизм, оккультизм, неохристианство, — все эти течения обозначались на средах, имели своих представителей. (...) Но ошибочно было бы смотреть на среды, как на религиозно-философские собрания. Это не было местом религиозных исканий. Это была сфера культуры, литературы, но с уклоном к предельному».

Здесь не место подробно рассказывать о тех или иных собраниях на «средах», об их участниках, — на эту тему уже сейчас существует большая литература мемуарного характера, хотя многое, конечно, не опубликовано и до сих пор.

В конце 1906 года Л. Д. серьезно заболела воспалением легких. Болезнь протекала очень тяжело и длилась несколько месяцев, но в тот период, когда Л. Д., кажется, уже начала выздоравливать, она заразилась скарлатиной, и осенью 1907 года скончалась.

В этот сложный период на сценах появилась приехавшая из Германии ученица Р. Штейнера Анна Рудольфовна Минцлова. Эта женщина сыграла очень значительную, но до сих пор до конца не выясненную роль в судьбе В. И. Отметим только одну деталь. Тяжело больная Л. Д. на первый взгляд как бы непреднамеренно стала подталкивать В. И. к сближению с М. В. Сабашниковой. А. Р. Минцлова всячески поддерживала эту идею, а М. Волошин, муж Маргариты Сабашниковой демонстративно устранился.

В одном из писем Л. Д. сообщает Минцловой: *«Жизнь подрезала корни у моего Древа Жизни в том месте, где из них вверх тянулся ствол любви Двоих. И насадила другие корни. Это впервые осуществилось только теперь в Январе этого года, когда Вячеслав и Маргарита полюбили друг друга большой, настоящей любовью. И я полюбила Маргариту большой и настоящей любовью. (...) Более истинного и более настоящего в духе брака тройственного я не мог себе представить, потому что последний наш свет и последняя наша воля едины»* (2 марта 1907 года).

Интерес к «тройственному» браку, как известно, возникал в разных вариантах и в семье Мережковских, и в других взаимоотношениях некоторых участников собраний в «Башне» В. И., но отношения последнего к Л. Д. были совершенно исключительными.

«Смерть Зиновьевой-Аннибал была обставлена несколькими символическими актами, о которых Иванов сообщил близким. В частности, во время агонии он лег к жене на кровать и принял ее последнее дыхание (...); телеграмма, которой Иванов извещал их друзей о смерти жены, звучала следующим образом: "Обручился с Лидией ее смертью"». (Обатнин Г. «Иванов-мистик. (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова) (1907-1919)». М.: 2000, с. 84).

Здесь уместно еще раз вспомнить Н. Бердяева:

«Вспоминаю беседу об Эросе, одну из центральных тем «сред». Образовался настоящий симпозион, и речи о любви произносили столь различные люди, как сам хозяин Вячеслав Иванов, приехавший из Москвы Андрей Белый и изящный проф. Ф. Ф. Зелинский и А. Луначарский, видевший в современном пролетариате перевоплощение античного Эроса, и один материалист, который ничего не признавал, кроме физиологических процессов»...

Ольга Василевская